

**МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РАЗНЫХ ВОЗРАСТОВ**

***Аннотация.** В статье на основе данных о нетто-миграции и плотности населения за 2012–2018 гг. анализируются возрастные особенности миграционного обмена между муниципальными образованиями (МО) России. Результаты показывают, что структура внутренней миграции в России соответствует этапу урбанизации модели городского развития, который характерен для всех возрастных групп. Нетто-миграция по всем возрастным группам выше в более густонаселенных МО. Пик миграции в более плотно населенные МО приходится на возрастную группу 15–19 лет.*

***Ключевые слова:** возраст, плотность населения, муниципалитет*

Данные. В качестве меры классификации МО использовалась плотность населения. Преимущества данного показателя состоят в том, что он может рассматриваться как комплексный показатель качества среды и может применяться для анализа концентрации населения и индикатора структуры расселения [1]. Основной недостаток — в площадь некоторых российских городских образований включены большие незаселенные территории, что сильно занижает реальные показатели плотности в отдельных МО. Средняя по России плотность населения очень мала (8,7 чел. на км²) и существенно различается между МО: значения варьируют от 0,01 (Хабаровский край) до 11,2 тыс. чел на км² (Московская обл.).

Расчеты и анализ возрастных коэффициентов (по 5-летним возрастным группам и объединенные для нескольких возрастных групп) внутренней миграции за 2012–2015 и 2016–2018 гг. базировались на данных по всем МО России (БД ПМО, <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm>), за исключением: МО Дагестана и Чукотского АО; части ЗАТО. Анализ затрагивает 97,2% общей численности населения России, проживающего в 2334–2350¹ МО.

МО группировались по численности населения и положению в системе расселения: региональные центры; их пригороды (МО, центры которых находятся в радиусе 50 км от регионального центра); остальные МО.

Результаты. В 2012–2018 гг. потоки внутренней миграции были направлены прежде всего в высокоплотные территории — крупнейшие

¹ За 2012–2015 гг. и 2016–2018 гг. соответственно

МО, с населением свыше 1 млн чел. Среди групп МО с иной численностью населения миграционный прирост получали только обладающие сравнительно большой — свыше 50 чел. на км², плотностью населения. То есть население концентрировалось в высокоплотных по российским меркам МО.

По коэффициенту интенсивности нетто-миграции в оба периода значение показателя, сопоставимое с крупнейшими городами с плотностью населения свыше 1000 чел. на км², кроме крупнейших МО с плотным населением, имели также МО с численностью населения свыше 250 тыс. чел., а в 2016-2018 гг. — свыше 100 тыс. Не вполне однозначная, но все же, некоторым образом, заметная граница миграционного прироста/убыли проходит по плотности 10-50 чел. на км² и численности населения МО 100-250 тыс. чел.

В 2012-2015 гг. ежегодно в пользу МО с населением свыше 100 тыс. жителей и плотностью больше 50 чел. на км² перераспределялось 352 тыс. чел, в 2016-2018 гг. — 274 тыс. Такие территории занимают всего 0,9% территории России, на которой проживало около 58% ее населения.

Практически весь миграционный прирост сконцентрирован в региональных центрах и их пригородах, причем на региональные центры пришлось 70% и 52% нетто-прироста в 2012-2015 и 2016-2018 гг. соответственно. Региональные столицы были высокоаттрактивными и в советское время, в постсоветское время их привлекательность постоянно усиливалась. В 2010-2018 гг. 84% региональных центров имели положительную динамику численности населения, при этом в целом население многих регионов сокращалось. Центростремительной миграции в постсоветский период способствовало усиление внутрирегиональной социально-экономической поляризации, бюджетной и налоговой концентрации в региональных центрах [2].

С начала 2000-х гг. миграционная привлекательность и влияние региональных центров распространилось на их пригороды. Миграционный прирост характерен для всех пригородов вне зависимости от плотности их населения. В радиусе 50 км от региональных центров нетто-прирост имеют МО как с высокой плотностью, так и с низкой.

По интенсивности миграционного прироста пригороды опережают региональные центры. Исключение составляют немногочисленные пригороды столиц малонаселенных регионов с очень низкой плотностью населения, в которых города окружает тайга и лесотундра.

Население отдельных возрастных групп в разной мере склонно к концентрации в разных классах МО (по плотности населения, удаленности от региональных центров).

В крупных городах с высокой плотностью концентрируется прежде всего молодежь 15-19 лет, это возраст окончания школы и поступления в вузы. Помимо крупных городов, миграционный приток молодежи этого возраста отмечен в высокоплотные пригороды Москвы и Санкт-Петербурга, представленные городами — спальными районами. Но в целом пригороды крупных городов для этого возраста не так привлекательны, т.к., за редким исключением, университеты в России, по традиции располагаются в самих региональных центрах.

В возрастах 25-39 лет, когда люди активно создают семьи, но при этом находятся на пике экономической активности, наиболее привлекательны пригороды крупных городов. При этом сами города также сохраняют привлекательность. Семьи с детьми нуждаются в увеличении размера жилья, и исходя из цены жилья оно зачастую приобретается в пригородах. Это характерно не только для пригородов Москвы и Санкт-Петербурга, но и других крупных городов, особенно с численностью свыше 500 тыс. чел. Миграционный отток 25-39-х наблюдается из всей периферии, но особенно — из низкоплотной. Здесь к проблемам с поиском работы добавляются, зачастую, сложности устройства детей в школу.

В возрасте, предшествующем выходу на пенсию и пенсионных возрастах привлекательными для вселения, становятся не плотнонаселенные крупные города, а их пригороды. Однако пожилые мигранты в России не переезжают в самые малонаселенные периферийные МО. Отдаленные от центров территории, с самой низкой плотностью населения пожилых в России теряют, как теряют и население других возрастов. В то же время людей в возрасте 50+ привлекают периферийные территории в регионах с благоприятными природно-климатическими условиями. В целом интенсивность миграции людей в возрастах 50+ по-прежнему не высока, т.к. выход на пенсию в России «растянут» по времени. При этом регистрируемый выезд пожилых из крупных городов по-прежнему не очень распространен, так как мигранты боятся лишиться региональных социальных выплат, устанавливаемых пенсионерам, например, в Москве и Санкт-Петербурге. Потребности в антигородском образе жизни у россиян пожилого возраста реализуются с помощью дач, обычно это выезды сезонного и эпизодического характера, не фиксируемые статистикой миграции.

Заключение. Анализ показал, что внутренняя миграция населения в России способствует приросту населения на сравнительно небольшой по площади территории: в МО с плотностью населения свыше 50 чел. на кв км на 1,5% площади территории проживает 67% населения страны. Подавляющая часть этих МО имеет нетто-прирост миграции, граница плотности в 50 чел. на км² является неким рубежом, выше которого МО чаще имеют нетто-прирост. Второй рубеж отделяет МО с высокой интенсивностью

нетто-прироста от остальных: это достигается на плотности свыше 1000 чел. на км². Выше этого порога миграционный прирост имеют почти все МО. Они занимают 0,2% площади России и концентрируют 44,1% населения. В целом получившиеся соотношения свидетельствуют о продолжающейся концентрации населения на макроуровне и примерно соответствуют все еще стадиям крупногородской урбанизации [3].

Разные возрастные группы населения в большей или меньшей степени склонны к центростремительной миграции. Однозначно концентрируется в наиболее плотнонаселенных территориях молодежь 15-19 лет. В более старшем возрасте (25-39 лет) люди склонны выбирать для проживания менее заселенные (по отношению к региональным центрам) пригороды. Сравнительно с другими возрастными группами люди от 40 до 59 лет показывают в России наименьшую склонность к концентрации.

Результаты свидетельствуют не только об отставании в стадиях прохождения моделей городского развития, которое фиксируется уже достаточно давно [4], но и о продолжении специфического пути России в условиях обладания огромной территорией, центроориентированной экономической модели и специфической дачной мобильностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Coombes M., Raybould S. (2001). Public Policy and Population Distribution: Developing Appropriate Indicators of Settlement Patterns. *Environment and Planning C: Government and Policy*, 19(2). P. 223-248.
2. Зубаревич Н.В. Рента столичного положения. *Pro et Contra*, 2012, 6, С. 6-18.
3. Geyer H.S. Kontuly T. (1993). A theoretical foundation of the concept of differential urbanization. *International Regional Science Review*, 15(2), P. 157-177.
4. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория дифференциальной урбанизации и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации зарубежье веков. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. С. 71-87.

Liliya B. Karachurina

*National Research University
“Higher School of Economics”, Moscow*

MUNICIPAL FORMATIONS OF RUSSIA THROUGH THE PRISM OF MIGRATION OF THE POPULATION OF DIFFERENT AGES

***Annotation.** This paper analyse sage-specific migration exchange between municipal formations (MFs) in Russia based on the net migration and population density data covering 2012-2018. The results indicate that internal migration pattern in Russia corresponds to the urbanisation stage of the urban development model and is observed a crossallagegroups. Net migration across all age groups is higher in more densely populated MFs. Migration to more densely populated territories peaks in the 15–19 age group.*

***Keywords:** age, population density, municipality*